

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«Круглый стол» на тему: «Роль ислама в мировой политике»

27 февраля 2017 г. в МГИМО состоялся «круглый стол». Организатор — Центр партнерства цивилизаций Института международных исследований.

Дискуссия развернулась вокруг роли и места исламского фактора в международных отношениях, внутреннего развития мусульманских стран, генезиса политического и радикального ислама, перспектив секуляризма и политики России в исламском мире.

Во вступительном докладе директор Центра партнерства цивилизаций, координатор Группы стратегического видения «Россия — Исламский мир», Чрезвычайный и Полномочный Посол В. В. Попов подчеркнул, что в условиях кризиса ценностей Западного мира происходит активизация других цивилизационных систем, в том числе исламской. Докладчик рассмотрел значимость исламского фактора в контексте политических, социально-экономических и демографических процессов, напомнил, что 2/3 углеводородов планеты находятся в странах с преимущественно мусульманским населением. Этот мир — при общности своего духовного кредо — многолик и мозаичен, объединяет народы и этносы с разными культурно-историческими корнями и традициями. И хотя в научно-техническом плане он в целом отстает от Запада, этот разрыв сокращается. В. В. Попов отметил, что представители элит ряда исламских государств относятся к кругу мировых политических и интеллектуальных «тяжеловесов».

Посол по особым поручениям, специальный представитель МИД России по взаимодействию с Альянсом цивилизаций К. В. Шувалов остановился на вопросе об исламе как субъекте международных отношений. Он подчеркнул, что исламские государства, а не ислам, являются субъектами международных отношений. Группа государств создала Организацию исламского сотрудничества (ОИС) как глобальный институт, объединяющий по цивилизационному признаку. ОИС возникла как дискуссионный клуб. В течение длительного времени из нее пытались сделать нечто более конкретное, не аморфное. В этом значительную роль сыграл Экмеледдин Ихсаноглу, который придал ОИС формы, в чем-то схожие с ООН. Но он ушел, и вновь возобладали прежние процессы. Причина, по мнению К. В. Шувалова, в огромном разбросе характеристик членов ОИС с точки зрения их политических режимов и систем, социально-экономического уровня и ВВП, доходов на душу населения, этно-расового состава, общественного уклада.

Докладчик указал также на специфику принятия и исполнения политических решений в ОИС. Если какая-то страна задалась целью провести некую резолюцию, то воспрепятствовать этому затруднительно. При этом ОИС не считает себя связанной этими решениями. И потому ее возможности посредничать в урегулировании конфликтов практически равны нулю. Даже в случаях кризисов в Сирии, Ливии и Йемене участие ОИС неощутимо. К. В. Шувалов напомнил, что Россия предпринимала попытки привлечь ОИС к урегулированию, но безуспешно.

Более того, ОИС зачастую используется конфликтующими государствами для поддержки своих позиций. Отсюда известные решения по азербайджано-армянским отношениям, по Северному Кипру.

У ОИС есть стандартный набор политических резолюций, более 30 по разным темам, которые повторяются из года в год. В итоге авторитет ОИС как международного субъекта не растет.

К. В. Шувалов отметил также роль Саудовской Аравии в этой Организации. Она всегда была очень значительной, но в последнее время стала значительной до неприличия. КСА расстави-

ло свои креатуры на основные позиции в ОИС и фактически контролирует Организацию, используя ее в качестве инструмента общеисламской поддержки. Наиболее ярко это проявилось в конфликте с Ираном. ОИС идет к тому, чтобы стать инстанцией всецело суннитского толка.

В экономическом плане ОИС не апеллирует к глубокой экономической интеграции. И потому она интересна тем или иным субъектам лишь как канал получения грантов, инструмент поддержки со стороны Исламского банка развития. ОИС — экономически не гомогенная организация, поскольку общемировой исламской экономики нет, заключил К. В. Шувалов.

С основными выводами К. В. Шувалова согласился профессор Кафедры востоковедения МГИМО С. Б. Дружиловский. Опыт Ирана показал, что религия не может быть субъектом мировой политики. После исламской революции была поначалу выдвинута концепция ее «экспорта». И если бы ее осуществили на практике, то религия, возможно, стала бы субъектом мировой политики. Но когда эта доктрина в ходе ирано-иракской войны провалилась, ее творцы притормозили движение политического ислама на многих направлениях, в том числе и в отношении стран СНГ.

По словам С. Б. Дружиловского, в сирийском кризисе нет шиитской составляющей. В заявлениях иранских военных ничего нет о намерениях продвигать шиизм и создать в Сирии какие-то группировки, чтобы те поддержали иранскую модель «вилаят аль-факих», которая нигде и никем, кроме Ирана, не признается. Но это, впрочем, не мешает Ирану использовать ислам во внутренних делах. Шиизм — сильная составляющая внутренней политики, которая воздействует на судебные органы, на органы исполнительной власти, на армию ИРИ.

Солидаризировался с С. Б. Дружиловским и старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН Б. В. Долгов. Ислам, как и исламский мир, подчеркнул он, не представляет единой структуры. Есть разные группы стран, которые имеют свои интересы, ведут свою политику и влияют на общую ситуацию и процессы развития в регионе и мире.

Вес мусульман и мусульманских стран в мире растет, и этот процесс, по-видимому, будет продолжаться — таков лейтмотив целого ряда выступлений на «круглом столе». Но что принесет этот рост? Будет ли положительный эффект в глобальном контексте.

Профессор Кафедры востоковедения, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМИ МГИМО А. В. Крылов высказал свое мнение на этот счет. Он поднял ряд острых проблем, которые стоят перед человечеством — климатические изменения, нехватка воды, демографический взрыв в некоторых регионах. От всего перечисленного прежде всего страдают народы исламского мира.

Согласно исследованиям Института Макса Планка, если температура в мире повысится хотя бы на 0,2 градуса, это в конечном итоге подтолкнет к эмиграции из стран исламского мира до 10 млн человек.

Вторая проблема — демография. Мы видим кривую ее роста в самых бедных мусульманских странах, что на фоне безработицы обрекает избыточное население на поиски лучшей жизни в других регионах.

Третья проблема — нехватка воды. Сейчас 13 стран исламского мира, по данным ООН, находятся в красной зоне, то есть там вообще нет нормальной питьевой воды. При выяснении обстоятельств начала гражданской войны в Сирии оказалось, что в 2007—2008 гг. в тех районах, где в основном проживают сунниты, была сильная засуха. Миллионы человек, бросив свои земельные наделы, вынуждены были перебраться в города. Но правительство не смогло предложить им ни работы, ни социальных программ. Так возникли благоприятные условия для всплеска протестных настроений, которые радикальные исламисты использовали, чтобы втянуть недовольных в антиправительственные акции, переросшие в войну.

Ряд выступлений был посвящен усилению радикальных тенденций в исламе, причинам и формам их проявления в различных регионах.

По словам профессора Дипломатической академии МИД РФ Г. К. Прозоровой, исламские страны являются системными субъектами и субъектами международных отношений. Их обращение к религии — реакция на проблемы глобализации, желание утвердить собственную идентичность. Этот протест совместил в себе всё — от архаики до современной протестной неконформистской идеологии. Он является и социальным, и экономическим, и культурно-религиозным, и ценностным протестом.

Исламизм и политический ислам — более сложное явление, подчеркнула Г. К. Прозорова. Оно не едино и представлено многими течениями. В значительной части это несистемная сила,

причем не только по отношению к конкретным странам, но и по отношению к мировой системе в целом. Мы видим ее растущий транснациональный характер. Это явление — полицентрично, нет единого центра управления политическим исламом. Таких центров становится всё больше. Экстремизм становится моложе и агрессивнее. Его корни нужно искать, прежде всего, в самих странах (на его родной почве).

Докладчик высказала частичное понимание того, на каком основании известный исламистский деятель Гейдар Джемаль называл политический ислам новым революционно-освободительным движением. Трудно принять этот концепт целиком, но некие его элементы, вероятно, верны. Речь идет о реакции на происходящие глобальные процессы.

По словам Г. К. Прозоровой, в исламском мире, религиозная идентичность нередко превалирует над национально-государственной. Это связано со слабостью государств, которые к тому же не всеми воспринимаются как полностью легитимные.

Радикальные движения в Сирии, Ираке, Йемене появились во многом благодаря участию акторов глобальной политики, заявил старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН Б. В. Долгов. Известно, что ИГ сформировалось при аравийских монархиях и всех тех сил, которые воевали против Б. Асада. Без этой поддержки не было бы взлета радикального ислама, он стал следствием непродуманной политики, уверенности в том, что этими группировками можно будет манипулировать для достижения политических целей в регионе.

Радикальный исламизм представляет собой компоненту глобальной политики. Он влияет и на страны Европы, где в 2015–2017 гг. произошли теракты в Германии, Франции, Бельгии. Такого не было в новейшей истории Европы.

Руководитель Отдела истории Европы XVIII–XIX веков Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук В. С. Мирзеханов оспорил мнение Б. В. Долгова, подчеркнув, что радикалы — это порождение исламского мира. При всех внешних факторах важен прежде всего внутренний, отметил он. Чтобы преодолеть радикализм, политическая и экономическая элита должна предпринимать действия в своих странах. Это должен быть их выбор. Радикализм — это ответ на внутренние проблемы. Мы говорим об ИГ, но до этого была «Аль-Каида». Понятно, что ИГ уничтожат, но потом появится новое течение. И это — в большей степени идейно-интеллектуальный спор. Пока мы не преодолеем двойные стандарты, это явление не исчезнет. Невозможно кричать по поводу терактов в Париже и молчать о том, что творится в Стамбуле. Пока нет единых подходов, трудно уничтожить радикализм.

Доцент Кафедры индоиранских и африканских языков МГИМО, кандидат исторических наук Ю. П. Лалетин обратил внимание на специфику ислама в Афганистане: «Мы видим, что в отдельных странах исламский фактор на подъеме, — отметил он. — Я много лет изучаю Афганистан. Если опустить детали, то какие бы радикалы не появлялись, как бы ислам не усиливался этнический фактор всё равно будет там приоритетным. Всё дело в том, что талибы, да и другие афганцы сохраняют свою племенную структуру. Племенная структура обеспечивает сохранение коллективной памяти. В этой памяти записано, что они живут на территории Афганистана: любой новый лидер талибов приходит к власти и начинает с утверждения, что границы нерушимы. Никаких иностранцев не пускают, ИГ распространения в Афганистане не получил и никогда не получит». Докладчик отметил, что о распространении ИГ в Афганистане говорят отдельные талибы, которые чем-то недовольны или ущемлены.

Это и есть баз, почва для сотрудничества. Ю. П. Лалетин напомнил заявление спецпредставителя президента России по Афганистану З. Н. Кабулова, что у нас есть общие интересы с талибами.

В ходе дискуссии высказывались различные мнения и оценки по поводу перспектив исламского радикализма и возможностей противодействия ему со стороны местных национально-секулярных кругов. Ситуация вокруг ИГ показывает, что в мире нет богословов, которые могли бы противостоять радикалам на идейном поле. Главный редактор издательства «Ладомир» Ю. А. Михайлов констатировал, что не знает ни одной концепции, способной поставить им барьер.

Проблема заключается в том, что мы имеем дело с общемировым процессом десекуляризации, констатировала И. Д. Звягельская, профессор Кафедры востоковедения МГИМО, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН. Люди не удовлетворены ответами на свои экзистенциальные проблемы. Это отмечается в большом количестве исследований. Везде происходит усиление религии на фоне ослабления других идеологий. В Центральной Азии наблюдается возвращение домой людей, которые полу-

чили исламское образование в Пакистане, Йемене, Саудовской Аравии, в других местах. Они считают, что они несут истинное Слово.

Так как у этих людей есть дипломы об образовании, в отличие от многих традиционных имамов, которые всегда лучше ладили с властями, то они претендуют на право проповедовать в мечетях. Если им не дают такой возможности, они уходят в подполье. Происходит омоложение имамов и, соответственно, рост протестных настроений.

Другая проблема, по словам И. Д. Звягельской, связана с исламским образованием. Страны Центральной Азии уже столкнулись с ней. Прежде всего, Киргизия, где было открыто большое число подозрительных школ. Их никто не контролировал, никто не знал, кого они выпускают.

Доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, докторант МГИМО, кандидат политических наук А. А. Кузнецов согласился с оценками И. Д. Звягельской относительно роли исламского фактора. Мы переживаем кризис эпохи Модерна, констатировал он, и либерально-секулярная парадигма, к сожалению, уходит в прошлое. На Ближнем Востоке имеет место кризис идентичности, что и обусловило рост влияния исламистских партий и движений. Религиозный ренессанс — объективный фактор, который будет оказывать влияние на политические процессы в регионе.

Исламский фактор еще долго продолжит играть свою роль и в политике, и в экономике, и в социально-экономической сфере, подтвердила в своем выступлении М. А. Сапронова, профессор Кафедры востоковедения МГИМО. Многие из арабских обществ по-прежнему остаются традиционными. Ислам, как и любая религиозная система, выполняет свои традиционные функции (объединяющую, канонизирующую, трактующую события). Но трансформационные процессы на Арабском Востоке продемонстрировали новые веяния. В имевшей место неразберихе у исламских партий, которые во многих арабских странах десятилетиями действовали подпольно и рвались к власти, появился шанс. Стало возможным заявить о себе как о реальной политической силе, чтобы повести за собой общество к неким перспективам. В результате соответствующие партии и силы либо пришли к власти, либо на грани прихода к ней, независимо от того, с чьей помощью это делалось. Но они показали свою абсолютную концептуальную и доктринальную несостоятельность. Ни одна из них (события 1990-х гг. в Алжире, события в Египте) не смогла предложить какой-либо действенной программы дальнейшего развития общества. Более того, они попытались ухватиться за рычаги авторитарного управления, оставшись от предыдущих режимов, и, по сути, стали отождествлять себя с ними.

М. А. Сапронова констатировала, что в противовес такой несостоятельности имеет место другая тенденция — консолидация светских сил. Она заметна во многих арабских странах, где происходит политическая поляризация. При этом общество по-прежнему остается раздробленным по конфессиональному, этническому, региональному и клановому признакам. Но на примере Ливана, избирательного процесса в Египте, Тунисе, Алжире мы видим два полюса политического противостояния. Общество (часть общества), которое защищает некий исламский путь развития, и часть общества, которая этому противостоит и предлагает светский путь. М. А. Сапронова разошлась с тезисом И. Д. Звягельской, утверждавшей, что процесс десекуляризации либо заканчивается, либо уже закончен. Религия в регионе после краха как западной, так и советской моделей развития отвоевала столько пространства, сколько могла. Но для того, чтобы двигаться дальше, она должна предложить обществу внятный концепт развития.

Религия — это совокупность морально-этических, духовных, традиционных постулатов. Но общество должно иметь не только морально-духовные ценности, но и ориентиры экономического, социального и политического развития. В настоящее время ислам этого сделать не в состоянии, что и продемонстрировали арабские революции. Отсюда, по словам М. А. Сапроновой, возникает вопрос «Как двигаться дальше?».

Ее мнение разделил профессор С. Б. Дружиловский. В Иране у апологетов ислама уже есть пределы возможностей для того, чтобы руководить государством, основываясь на религии, констатировал он. Соответствующие попытки продолжались в течение всего периода войны с Ираком. А затем Хомейни незадолго до смерти ввел такой институт, как Ассамблея по определению государственной целесообразности. Этот комитет правомочен отменять действие положений ислама и конституции, если это требуют национальные интересы. Таким образом, ислам ограничивается, и поэтому Иран развивается. Если бы ислам доминировал в качестве конституционного закона, то Исламская республика долго не прожила бы.

Среди участников «круглого стола» вызвал полемику вопрос, какая модель придет на смену исламской и придет ли она вообще. Так, по мнению М. А. Сапроновой, идеология панарабизма,

которая в XX веке сыграла важную роль в мусульманском мире, еще проявит себя. Сейчас она, что называется, в загоне, ибо арабский мир переживает период неразберихи в политическом, идеологическом и теоретическом плане. Но эта идеология в условиях сильно раздробленного арабского мира содержит в себе идеи, которые показывают некоторые перспективы развития общества. М. А. Сапронова сослалась на фрагмент доклада В. В. Попова, который назвал в качестве развивающихся и активных государств Индонезию, Малайзию и Турцию. Это исламские государства, но в основе их развития лежит идея демократии, которая тем самым совмещается с исламом. По словам М. А. Сапроновой, панарабизм на Арабском Востоке вполне может и (он это делал в период национально-освободительной борьбы) совмещать некоторые традиции с современностью.

С таким мнением согласилась Г. К. Прозорова, оговорив, что не стала бы жестко противопоставлять панарабизм и исламизм. В каких-то параметрах они смыкаются. Так, Константин Зурейк — видный арабский просветитель говорил о том, что ислам является важной составляющей арабской (панарабской) культуры, без него понять эту культуру нельзя.

И к этим ценностям, к отстаиванию своей арабо-мусульманской идентичности, апеллируют не только люди глубоко верующие. Когда проводился опрос североафриканского населения (Алжир, Марокко и Тунис), было отмечено, что почти 90 % населения соблюдают обычаи, молитву и Рамадан. Это аналогично тому, как в советские времена люди отмечали Пасху, хотя в церковь и не ходили.

Касаясь панарабизма, С. А. Воробьев (Группа стратегического видения «Россия — Исламский мир») отметил, что есть центробежные и центростремительные тенденции и они подчинены исторической динамике. То одна возобладает, то — другая. Но, тот панарабизм, который мы чаще всего имеем в виду, это панарабизм времен Гамаль Абдель Насера. Он шел «рука об руку» с идеями арабского социализма. Сейчас эти идеи фактически похоронены или, во всяком случае, многими отвергаются. И если сейчас маятник качнется в сторону объединительных тенденций, то на исламистской основе.

А. А. Кузнецов прокомментировал мнение о том, что идеология арабского национализма может заместить на Ближнем Востоке исламизм: «Я с огромным уважением отношусь к Насеру, который был величайшим лидером. Но его последователи и преемники оказались не на высоте. Если бы панарабизм, арабский национализм были по-настоящему сильны, не было бы гражданской войны в Сирии. Партия Баас насчитывала 2 млн человек, и где она сейчас?».

Участники «круглого стола» уделили внимание также роли и месту исламского фактора в России, отношению к нему государства и общества.

Присутствуя на таких дискуссиях, понимаешь, что многое из того, что элементарно, естественно для мусульман, далеко не всегда понятно светским людям, заявил Р. М. Расулов (Международная ассоциация исламского бизнеса). Для мусульман на первом месте вероучение и вероубеждение, а уже потом нравственные аспекты. Для любого мало-мальски образованного мусульманина здесь прямая причинно-следственная связь.

Р. М. Расулов сообщил, что, учреждая Ассоциацию, ее основатели пытались создать единую площадку, на которой можно было бы говорить на понятном всех языке. Цель — в рамках ассоциации объединить всех российских востоковедов и других специалистов в рамках третейского суда, то есть создать представительную группу российского ислама, в которую войдут не только мусульмане, но и правозащитники и авторитетные в стране люди. «Если бы мы получили, например, согласие на создание такой структуры, то у нас уже было бы лицо, которое гарантировало в случае каких-то международных торговых споров конкретное нормальное беспристрастное рассмотрение дел».

Российское государство должно найти правильную религиозную политику, заявил В. С. Мирзеханов. Многочисленные проекты возвращения религии в образование опасны для России, особенно на уровне общего образования. Очевидно, что идентичность формируется в школе и в армии. Имеется тенденция определенного предпочтения православной религии. С одной стороны, это вполне понятно, но с другой — важно соблюдать Конституцию и демонстрировать представителям всех этносов и религий равенство возможностей.

Доктор исторических наук, профессор Дипломатической академии МИД РФ О. Г. Пересыпкин сообщил, что в России проживают 20 млн мусульман. Все мусульмане считают себя братьями по вере. Они следят за тем, как относятся к их единоверцам в той или иной стране, причем как на государственном, так и на бытовом уровне. Очевидно, что в современной России православие имеет преимущества — прежде всего, возвращаются храмы, что практически означает

реституцию. Что касается мусульман, то им возвращать нечего. В этой связи О. Г. Пересыпкин предложил построить в Москве еще одну мечеть. Этот жест официальных властей был бы хорошо воспринят в мусульманском мире.

С этим мнением согласилась И. Д. Звягельская, констатирующая рост влияния и авторитета Русской православной церкви. Она в целом выразила поддержку идее изучения в школе основ религии в школе — но именно в светском контексте, а не в религиозном. В противном же случае фактически будет реализовано религиозное образование в школах. «Это очень серьезный вопрос, так как мы живем в поликонфессиональной стране. Хотя мусульмане и составляют только 14 %, но у нас есть целые регионы, в которых они составляют большинство, и эксперименты с православной церковью могут обернуться негативными последствиями. Об этом надо серьезно думать, а также о реституции. Куда делись мечети? Очень многие были разрушены, а земли стали собственностью государства. Может быть, сейчас начать процесс возвращения? Но с этим нужно быть очень осторожными».

Вступив в дискуссию, Ю. А. Михайлов напомнил, что в России есть целый пакет нормативных правовых актов, регулирующих антитеррористическую деятельность. Косвенно там затронуты и вопросы ислама: говорится о профилактике религиозного радикализма и о том, кому законодательно поручено вести соответствующую профилактику. Причем отвечают за это губернаторы и ФСБ. Ю. А. Михайлов заявил далее: «Когда мы обращаемся к кому-либо, мы сталкиваемся с мощной стеной нежелания что-либо слышать». При этом констатация пассивности мусульман на соответствующем направлении вполне объяснима тем обстоятельством, что ислам перед федеральными властями фактически представляют лишь несколько человек, которые к тому же не имеют богословских трудов, которые пользовались бы широким вниманием. Именно потому власть обращается к светским специалистам за разъяснениями. Выступивший сослался на предложение В. В. Путина создать богословскую школу, которая будет авторитетной на международной арене. При этом, по его мнению, чтобы вести эффективную профилактическую работу, надо создать институциональную структуру из ученых, которые будут помогать духовенству.

Ю. А. Михайлов также предложил открыть в Москве музей ислама — светский музей подобно филиалу Эрмитажа. Такой музей покажет, что Россия — страна многих религий, где ислам занимает заслуженное место.

Он с сожалением отметил: «Если рассмотреть всю систему высшего образования, то мы найдем бизнес-школы, которые готовят кадры для продвижения сотрудничества с западным миром, но не найдем тех, кто готовит специалистов по развитию отношений с исламским миром». В таком учебном заведении были бы заинтересованы не только российские, но и арабские студенты. Ю. А. Михайлов высказал мнение, что разумнее создать такой факультет при МГИМО. Целесообразно создать и бизнес-квартал. Эта территория носила бы халяльный статус, там не торговали бы спиртным, при этом была бы полностью регулируемая российским законодательством. Мы ставим задачу привлечь исламские инвестиции, продолжал Ю. А. Михайлов. Этим вопросом ведает А. П. Торшин в ЦБ; ранее он занимался им в Совете Федерации. Часто говорит об этом и президент Татарстана. Но результатов нет.

А. А. Кузнецов также подчеркнул актуальность привлечения инвестиций из исламского мира. Но для этого необходимо усилить внимание к двум факторам. Во-первых, надо создавать хороший инвестиционный климат в России. Во-вторых, налаживать доверительные отношения с политической и бизнес-элитой стран Персидского залива. И пока нет доверия, не поможет ни исламский банкинг, ни исламский деловой квартал.

В целом исламский банкинг, по оценке А. Кузнецова, — неэффективный экономический инструмент. Везде, где он существует, он решает не экономические, а политические задачи. Сославшись на свое знание банковской системы Ирана, ученый констатировал, что ни один крупный банк в ИРИ не работает на принципах исламского банкинга. Все это — слегка завуалированные финансовые принципы ростовщического капитализма Запада. Крупные банки в Саудовской Аравии — то же самое. Исламский банкинг, подчеркнул А. А. Кузнецов, использовался как политический инструмент в КСА для создания класса средней и мелкой исламской буржуазии, чтобы люди были чем-то заняты, вели предпринимательскую деятельность, были лояльны властям, не вовлекались в лоно экстремистских движений. Но в конкурентных условиях исламский банкинг убыточен.

С. А. Воробьев не поддержал идею создания исламского музея, потому что такой музей будет восприниматься людьми, не знающими исламскую культуру, однозначно проигрышно.

В Санкт-Петербурге есть прекрасный музей истории религии, где имеется и исламский раздел. Речь идет о том, чтобы создать светский музей как часть истории Российского государства и в его рамках организовать экспозицию для разоблачения мифов исламских радикалов.

С. А. Воробьев также предложил усилить медийно-информационную работу по разоблачению исламофобии и против демонизации религии в самых различных вариациях. По его словам, из сотен миллионов мусульман лишь микроскопическое меньшинство исповедует экстремизм. Почему бы под патронажем Группы стратегического видения «Россия — Исламский мир» не провести специальную международную конференцию по этому поводу?

Б. В. Долгов скептически высказался по поводу идеи создания исламских рынков и кварталов. Такой опыт уже был в Европе (Франция, Великобритания), и всем известно, чем он закончился. То, что сейчас имеет место в Европе, это, прежде всего, кризис мультикультурализма. Там есть районы с халяльными рынками и магазинами, и вас предупреждают, что лучше туда не ходить. Зачем повторять такое в Москве?

На «круглом столе» рассматривался и вопрос о состоянии и перспективах развития отношений России со странами ислама.

Исламские страны — давний партнер России, подчеркнул К. В. Шувалов. Он высказал слова признательности в адрес В. В. Попова за внимание последнего к роли исламского фактора в мировой политике, отметив также его заслуги в состоявшемся практическом развороте российской дипломатии к этому феномену и налаживании механизмов отношений РФ с элитами исламских государств. Об этом свидетельствует и деятельность с 2006 г. Группы стратегического видения «Россия — Исламский мир», за которой закрепился имидж центра межкультурного и межгосударственного общения.

К. В. Шувалов коснулся характера взаимодействия: двустороннего или отношений с группой мусульманских государств — ОИС. По его мнению, как сейчас, так и в обозримом будущем основным, наиболее перспективным форматом таких отношений будет все же двусторонний. К. В. Шувалов призвал не обманываться «мифом», который сложился вокруг ОИС, — об исламском мире и его возможностях. Речь идет о значительных финансовых потоках, которые якобы не могут найти применения, и, если «поманить», то они придут в Россию. Это — явное преувеличение. Экономика на Ближнем Востоке после известных событий демонстрирует далеко не цветущее состояние. Да и весь мир находится в ожидании изменений.

Б. В. Долгов поддержал эту точку зрения и призвал взаимодействовать с конкретными странами. На его взгляд, нужно более конкретно определить национальные интересы России в каждом отдельном конфликте, в частности в сирийском.

А. А. Кузнецов, подчеркнув актуальность отношений России с исламским миром, высказал мнение, что нужно ориентироваться на страны, где есть сильные государственные институты, сильные лидеры и власть. Но есть целый ряд стран — Ирак, Ливия, Йемен, — в которых на первый план выходят негосударственные акторы, не обязательно экстремистские. У России должна быть многоуровневая, избирательная политика.

В. С. Мирзеханов согласился с тезисом, согласно которому отношения с миром ислама должны выстраиваться в двустороннем порядке. Пример отношений с Турцией показывает, что такому формату зачастую не хватает глубины — они либо сугубо военные, либо экономические. Он подчеркнул, что нельзя строить политику, делая ставку исключительно на Эрдогана. По каждой стране необходимо иметь детальные экспертные оценки, опираясь на которые и следует строить отношения. По словам В. С. Мирзеханова, имеется огромный резерв в использовании потенциала российских регионов, российских мусульман в отношениях России с исламскими странами. Выступающий также настоятельно рекомендовал не втягиваться в суннитско-шиитские противоречия.

Это мнение разделили многие участники. Среди них — известный исламовед Тауфик Ибрагим, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН. Он заявил, что это так же опасно, как противопоставление салафитов и последователей суфизма. То, что произошло в Грозном летом 2016 г. на Международной конференции по исламу и грозненская фетва, которая была там поддержана, по мнению Т. Ибрагима, были непродуманными действиями: «При всем нашем несогласии с салафизмом (или, так сказать, с ваххабизмом), мы не имеем права заявлять о себе как о стране, которая делает ставку на какую-либо одну сторону в противовес другой. Есть большое заблуждение, что радикальный ислам связан с салафизмом. Радикальный ислам связан со стрессовым пониманием ислама».

Г. К. Прозорова поделилась своим беспокойством по поводу антииранских заявлений администрации Д. Трампа, которые предполагают некий военный союз арабских стран при поддержке Израиля и США против Тегерана. Всё это лишь подстегивает внутриисламские противоречия, которые проникают уже в самые дальние уголки мира. При этом новые заявления американской администрации лишь усиливают исламофобию. Г. К. Прозорова заявила, что России необходимо работать над налаживанием контактов и диалога между Ираном и Саудовской Аравией.

Ведущий научный сотрудник Центра партнерства цивилизаций ИМИ МГИМО, доктор исторических наук А. И. Вавилов также констатировал неприемлемость того, чтобы Россию в исламском мире спекулятивно идентифицировали только с суннитами или шиитами. Необходимо расширить диапазон взаимных представлений сторон друг о друге в противовес предвзятой информации, часто навязываемой западными медиаисточниками. А. И. Вавилов высказался и за необходимость усилий, направленных на лучшее понимание в России исламских культуры и образования, а также теологического наследия, и призвал актуализировать внимание к подготовке отечественных кадров исламоведов, в частности специалистов по шариатскому праву.

В этой связи М. А. Сапронова напомнила, что 5–6 лет назад в Высшей школе экономики РФ была открыта магистерская программа «Исламское право». Она просуществовала лишь два года.

Завершая «круглый стол», Т. Ибрагим коснулся перспектив взаимодействия России и исламского мира, в том числе перед лицом современных вызовов, прежде всего однополярной глобализации. Россия заинтересована в том, чтобы мир был многополярным. Поэтому имеется немало точек пересечения интересов с исламскими государствами. Это и нефть как один из базисных элементов экономики. Это заинтересованность партнеров в приобретении высококачественных российских вооружений. Т. Ибрагим подчеркнул необходимость использовать преимущества России как евразийской поликонфессиональной и многонациональной державы, способной стать мостом между мусульманским Востоком и Западом.

Т. Ибрагим напомнил, что выдающийся российский исламский реформатор, один из основоположников джадидизма Исмаил Гаспринский позиционировал российский ислам как модель для всего мусульманского мира. Реформаторско-модернизаторские идеи, которые были развиты в российском исламе в XIX–XX веках, сегодня очень перспективны. В. В. Путин был совершенно прав, когда говорил, что надо возродить богословскую школу, которая была у нас. И здесь Россия как многоконфессиональная и многонациональная держава также может представлять большой политический интерес для исламского мира.

В мире, в том числе исламском, идет ожесточенная схватка за умы людей, прежде всего молодежи. Исламский мир не способен противостоять экстремизму и радикализму. В лучшем случае он воспроизводит традиционный ислам, в котором потенциально есть предпосылки для экстремистских идей. Россия, по словам Т. Ибрагима, может стать своего рода магнитом для консолидации тех арабов и тех мусульман, для которых общий знаменатель — противодействие радикализму и экстремизму.

Э. Д. Эшба